

10. Аналитический обзор // [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1107433.html
11. Оценка ситуации в Свердловской области // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.midural.ru/есоpny/>
12. Свердловская область сильнее других пострадала от кризиса // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.66.ru/news/business/32755/>
13. Дорошенко С. В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма // Журнал экономической теории. 2009. №3. С. 21-30.
14. Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся система: адаптация к инновационному типу развития. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 239 с.
15. Дорошенко С. В. Стратегическая адаптация как императив инновационного развития региональной социально-экономической системы // Экономика региона. 2010. №3 (23). С. 69-77.
16. Дорошенко С. В. Теория эволюционной региональной экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 178 с.
17. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Экономика и общество. 2009. № 11-12. С. 100-120.
18. Макарова И. В. Потенциал модернизации машиностроительного комплекса региона. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 289 с.

УДК 332.146.2

ключевые слова: региональная социально-экономическая система, кризис, саморазвитие, адаптивный потенциал

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (теоретические и практические вопросы)

О. С. Сухарев

В статье рассматриваются итоги социального развития российской экономики за период с начала 1990-х гг. до 2010 г., выявляются закономерности функционирования социальных секторов национального хозяйства. Рассматривается метод анализа социальной структуры и социальной эффективности, проводится анализ социальных инвестиций на примере здравоохранения.

1. Экономический рост и его социальные последствия

Экономический рост далеко не всегда облегчает жизнь населения, вызывает удовлетворенность и облегчает социальное бремя. В экономической истории известны случаи, когда экономический рост сопровождался увеличением неравенства [3]. Подобная ситуация описывается так называемой кривой С. Кузнецца. Однако возможны ситуации, когда условия существования данной кривой нарушены, и закономерность Кузнецца не выполняется на тех или иных интервалах социально-экономического развития. В частности, представленные А. Сенном данные по развивающимся странам говорят о том, что равномерность распределения создаваемого в экономике дохода в значительной степени влияет на социальные результаты развития. Экономика может демонстрировать высокий темп роста национального дохода и

такую же высокую его величину на душу населения, но за счет того, что этот доход распределяется крайне неравномерно, располагать худшей системой социального обеспечения, здравоохранения, пенсионной системой, системой образования и, как следствие, иметь более низкие индикаторы, определяющие продолжительность жизни, уровень образования и медицинского обеспечения. Иными словами, благополучие жизни в таком случае будет значительно ниже, нежели при более равномерном распределении дохода.

Для России в условиях спада производства и экономики 1990-х гг. наблюдался эффект роста неравенства, в период начального роста и восстановления 1999–2001 гг. уровень неравенства несколько снизился, но в дальнейшем в процессе экономического роста 2002–2008 гг. и вплоть до 2009 г. неуклонно возрастал и по коэффициенту Джини и по фондовому коэффициенту. Эти данные говорят о прямом отклонении от зависимости С. Кузнецца и точном совпадении с эффектом А. Сена, когда распределение создаваемого дохода сильно влияет на социальные индикаторы экономического развития.

Говоря о факторах экономического роста, важно отметить четыре важнейшие экономические системы, состояние которых определяет и качество экономического роста, содержание

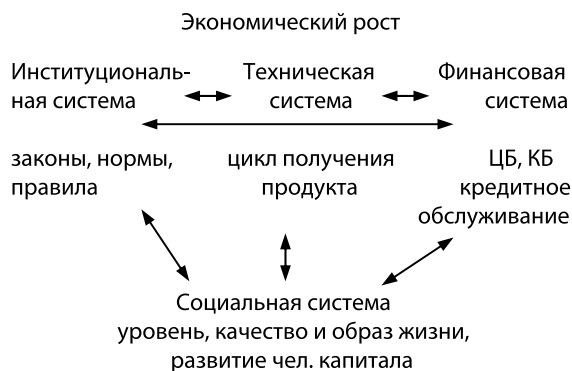

Рис. 1. Подсистемы экономики, обеспечивающие экономический рост

структурных изменений и темп роста. Это производственно-техническая система, представленная реальными секторами и технологическим уровнем экономики, финансовая система, институциональная система, включающая законы, правила и модели поведения, нормы, социальная система — структура общества, определяющая уровень, качество и образ жизни населения страны, направления и возможности развития человеческого капитала (рис. 1), формирующая предпочтения потребителей, определяющая спрос, состояние здоровья и квалификацию. Эти параметры определяют возможности экономического роста.

Экономическому росту в России в 2000–2008 гг. были присущи следующие качественные характеристики:

- возникающие ограничения роста, накладываемые неэффективной социально-экономической структурой;
- снижение общей эффективности сырьевого комплекса;
- довольно высокий уровень бедности населения с растущей дифференциацией по доходу;
- продолжающаяся деградация человеческого капитала, включая быстрое старение населения и низкую продолжительность жизни;
- отсутствие условий для определения и повышения социально значимого результата;
- отсутствие условий для формирования обеспеченной потребности в новых технологиях;
- сложившаяся структура затрат, ликвидирующая возможности использования и наращивания интеллектуального капитала.

При сокращении численности населения и росте величины расслоения показатель ИРЧП (индекса роста человеческого потенциала) несколько возрос за период роста 2000–2008 гг. Наблюдался интересный эффект, когда со-

кращение численности населения при быстром росте неравенства сопровождалось повышением индекса развития человеческого потенциала.

Число трудоспособных агентов почти не изменилось, составив более 80 млн чел., а соотношение числа пенсионеров и детей изменилось. Если до 2001 г. число детей превосходило число пенсионеров, то после 2001 г. картина диаметрально поменялась — и число пенсионеров устойчиво превышает число детей. Уровень безработицы, возраставший с 1992 до 2000 гг., затем понизился с 2000 до 2007 гг. с 7 до 4 млн чел. Однако с 2007 г. наблюдался рост безработицы обратно до 7 млн чел. до начала 2010 г. Коэффициент смертности населения на протяжении 1992–2009 гг. всегда был выше коэффициента рождаемости, а в 2009 г. соотношение составило 14 против 12 на 1000 чел. населения страны. Уровень общей бедности населения понизился с 2000 по 2008 гг., хотя он и остается весьма высоким. Сохраняется отрицательный прирост населения, хотя позитивным моментом является то, что этот показатель улучшился, то есть отрицательный прирост сократился.

Важно отметить, что с 1992 по 2009 гг. включительно среднегодовая численность занятых в экономике России сократилась с 71,9 до 66,9 млн чел. Миграционный прирост населения возрос, составив в 2009 г. 247 тыс. чел. Однако этот миграционный прирост не покрывает естественный отрицательный прирост населения в 249 тыс. чел. в 2009 г.

Структура физического конечного потребления домашних хозяйств за последние 15 лет практически не изменилась. Среднемесячная начисленная заработная плата в 2009 г. составила 593 долл. (исходя из среднегодового официального курса доллара США в ценах соответствующего года). Расходы на покупку непродовольственных товаров составляют порядка 37% в структуре расходов домохозяйств, и около 30% приходится на покупку продовольственных товаров. Учитывая то, что подавляющая доля непродовольственных товаров — импортного производства, а продовольствие до 40–50%, по самым скромным оценкам, также поступает по импорту, можно говорить о возникновении зависимости расходов от импортной продуктовой массы.

Сложившиеся качество и образ жизни населения формируют условия для инноваций — определяют потребность в инновациях,

возможности их тиражирования, использования. В экономической науке известен тезис Р. Пребиша, согласно которому научно-техническое развитие в развитых странах приводит к росту реальной заработной платы и уровня жизни населения и исключает снижение цен на создаваемую продукцию. В развивающихся странах наблюдается обратная динамика: реальная заработная плата не повышается, уровень жизни остается невысоким и не имеет устойчивой тенденции к росту, а цены на товары, особенно экспортируемые, имеют тенденцию к понижению относительно дорожающих импортируемых товаров, от которых зависит жизненный стандарт потребления данной развивающейся страны. Иными словами, формируется режим присвоения результатов научно-технического развития более богатыми и развитыми странами у менее богатых и менее развитых. Причиной становится неравноправие условий торговли, а главное — различия в социальной структуре и исходных факторах социально-экономического и научно-технического развития. В связи с чем стимулировать инновации при имеющемся уровне национального дохода и его распределении возможно исключительно посредством повышения стоимости рабочей силы с постепенным ростом квалифицированного труда. При этом необходимо компенсировать риски широтой рынка, то есть созданием товарной массы на внутренних рынках, причем товарной массы отечественного производства. Безусловно, общий уровень национального дохода и инструменты его перераспределения определяют эффективность функционирования экономической системы и зададут стилистику социальных отношений, сформируют социальную структуру, которая и определит качество, образ жизни с вытекающим формированием мотиваций для действующих агентов.

Конечно, понадобятся институты, обеспечивающие восприятие инноваций всеми элементами системы, перелив ресурсов из различных секторов хозяйства, с тем чтобы развивать не только транзакционные и сырьевые секторы, но и производственно-технические системы. Эффект вытеснения труда инновациями для России не будет актуальным в ближайшей перспективе, поскольку именно потеря кадров, причем высококвалифицированных, разрушение инженерных школ и производства, потеря технологий в 1990-е гг. создали условия, когда инновации возможны только при привлечении соответствующих кадров, и без них будут про-

блематичны, во всяком случае на систематической основе и в необходимом для развития экономики масштабе.

Согласно доктрине С. Струмилина, рост национального дохода есть функция простого и сложного труда. Под простым понимается труд, где нужны первичные знания о каких-либо процессах, под сложным — тот труд, где требуется высокий уровень образования и соответствующие инвестиции в человека. Важно оговорить условия, при которых инвестиции в человека будут давать необходимую социальную отдачу. Эти условия определяются точками приложения человеческого капитала в экономике. Таким образом, инвестировать в человека возможно без наличия этих точек, но в таком случае эти инвестиции будут иметь либо долгосрочно ориентированный характер по отдаче, либо будут выступать аналогом безвозвратных вложений. Они в таком случае способствуют улучшению социальной структуры, будут способствовать формированию необходимой мотивации, но их общая результативность может оказаться низкой, так как любые инвестиции являются частью созданного дохода и если этот доход расходуется по каналам, имеющих долгосрочную отдачу с неясными перспективами точек приложения этого человеческого капитала, либо даже отрицательную отдачу (в силу, например, оттока такого капитала за рубеж), то возникают обоснованные сомнения относительно целесообразности массивного инвестирования в человека. Следовательно, для организации экономического роста необходимого качества требуются не просто инвестиции в человека, а такие инвестиции и такого объема (фронтально по всем объектам социальной инфраструктуры общества и социальным подсистемам, синхронизированные с инвестициями в факторную основу развития производства и хозяйственной инфраструктуры), которые бы планомерно позволяли наращивать долю интеллектуального капитала в добавленной стоимости создаваемых благ, либо новые знания, выступающие в качестве объектов торговли. Кстати, сам человеческий капитал может воспроизводиться стране и экспортироваться, но тогда нужны специальные инструменты торговли им, чтобы не просто готовить такие кадры для себя, но и готовить на экспорт и продавать, но не бесплатно, как это сейчас делается в России, а по высокой стоимости, направляя выручку на решение проблем образования и социальной защиты внутри страны.

2. Метод анализа социальной структуры и социальная эффективность

Социальную эффективность можно представить через эффективность конкретных социальных секторов: образования, здравоохранения, а также секторов инфраструктурного назначения — информационного, социальной защиты и трудовых отношений. Кстати, уровень бюрократизма и теневой экономики будет также влиять на общее значение социальной эффективности. Здесь представим метод оценки эффективности системы здравоохранения. Для того чтобы оценить эффективность такой системы, как здравоохранение, необходимо задаться вопросом: зачем эта система нужна, то есть какую функцию она выполняет? Изменение эффективности системы — это изменение этой функции с позиций качественного и количественного ее исполнения. Другими словами, динамика эффективности — это расширение либо сужение дисфункциональности системы.

Эффективность здравоохранения оценивается в рамках модели «затраты — процессы — результаты». При этом результатом является спасение человеческих жизней, продление жизни при обеспеченной ее активности, снижение уровня инвалидности и заболеваемости агентов социальной системы. Такой результат достигается как превентивными действиями, так и сугубо лечебным способом.

Однако указанный результат зависит от исходного здоровья нации, экологической ситуации, спроса на медицинские услуги, предложения медицинских технологий, механизмов социального страхования, и даже образования и др. С точки зрения агента, здоровье есть благо, ценность которого с возрастом возрастает, а общая стоимость снижается, и в точке смерти агента здоровье как благо равно нулю (см. рис. 2). Затраты в обеспечение здоровья являются инвестициями в создание будущего дохода, поскольку с утратой здоровья снижается производительность труда, возрастают потери рабочего времени, связанные с нетрудоспособностью, либо вялой работой, что понижает и отвлекаемый агентом доход.

Убытие здоровья с возрастом компенсируется частично ростом расходов на мероприятия по охране здоровья. Покажем кривые изменения запаса здоровья двух агентов, которые родились с разным исходным запасом здоровья (например, это расхождение может быть генетически предопределено, либо было обусловлено режимом вынашивания и протекания родов).

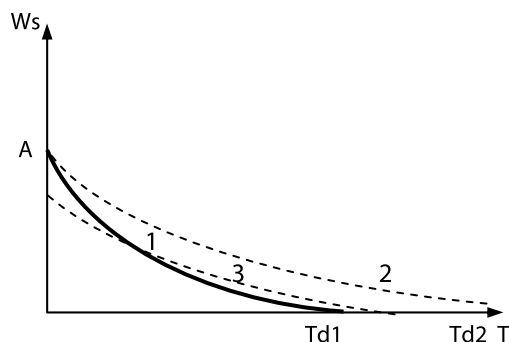

Рис. 2. Динамика функции запаса здоровья агента

Как видно из рис. 2, функция запаса здоровья для агентов 1, 2 берет начало в одной точке A, в случае 3 исходный запас здоровья агента отличается. Если запас одинаков, то агенты все равно могут прожить период неодинаковой продолжительности — $Td1$ и $Td2$ соответственно. Ситуация с графиком 3 показывает, что имея более низкий запас здоровья по отношению к агенту 1, агент 3 проживет несколько дольше, но меньше агента 2. Такой характер динамики функции запаса здоровья говорит о том, что агенты походят разные пути социализации, приобретают различный доход, который позволяет им по-разному ликвидировать усиливающиеся в ходе износа организма его дисфункции, что в конечном счете сказывается на продолжительности жизни. Здесь не рассматривается функция запаса здоровья, которое может стать равным нулю в силу аварии. Например, агент 1 учился на отлично, что требовало значительных усилий, комнатной работы, нагрузки на глаза и нервную систему. Агент 3 учился на воздухе, быстро приобрел работу, которая связана с полезным для организма трудом. Пересечение кривых 1 и 3 дает точку, в которой их потенциалы здоровья сравнялись, и далее происходит разное растрачивание запасов здоровья. Так, первый агент защищает докторскую диссертацию в молодом возрасте. Если в экономике нет стимулов для такой траектории развития, то расплатится он за такое желание своим здоровьем. К тому же, связывая свою работу с наукой, агент 1 приобретает невысокий доход, а агент 3 осуществляет функцию контроля строительства объектов в лесной зоне, что способствует укреплению здоровья и гарантирует, по крайней мере в российской экономической системе, более высокий доход. Часть дохода агенты инвестируют в здоровье, причем с каждым годом все больше и больше, но вот в общем случае доля инвестирования дохода в такое благо, как здоровье, обычно не одинакова и определяется

предпочтениями агентов осуществлять подобные расходы.

В любом случае при движении вправо по оси времени ценность блага «здоровье» для каждого агента будет возрастать, как и функция расходов — инвестиций, если изначально рассматриваются психологически здоровые агенты. В противном случае функции ценности и запаса здоровья могут иметь совершенно иной вид. Число же заболеваний (дисфункций), а также смертность с возрастом агентов будет увеличиваться, причем росту (какой он мог бы быть) будут противостоять указанные инвестиции (расходы).

Дж. Хикс отмечал, что неоднородность капитала является важнейшим его свойством [6, с. 124-140]. Именно это свойство не может раскрыть и объяснить экономическая наука. Что касается человеческого капитала, то оценить эффективность его еще сложнее, поскольку он в высшей степени неоднороден. Одним из факторов, одной из причин это неоднородности выступает неодинаковая функция запаса здоровья, которая предопределяет возможности агента далее на траектории его движения (жизненного цикла), по фазам развития и старения. К ней можно добавить функцию исходных и приобретенных способностей и знаний, а также функцию потребностей и мотивации, чтобы полностью ввести модель человека посредством этих функций в экономический анализ. Теперь уместно отметить следующее: очевидно, по социальным группам (стратам) эти функции будут очень похожи, поскольку они зависят от величины среднедушевого дохода, то есть от жизненного стандарта. Используя децильное или квинтильное распределение агентов по уровню душевого дохода и показав вид эмпирически установленных перечисленных функций для каждого дециля (квинтиля), найдя разницу между соседними группами по каждой группе агентов для данного возраста по этим функциям, можно ориентировочно количественно установить величину неоднородности человеческого капитала для экономической системы. Безусловно, она будет отличаться от обычной неоднородности по величине дохода — величине неравенства. Как видим, неоднородность определяется многими факторами, включая и душевой доход, который, по существу, есть, конечно, производная неоднородности. Именно величина этого душевого дохода определяет возможности агента в области здравоохранения, обучения, правовой за-

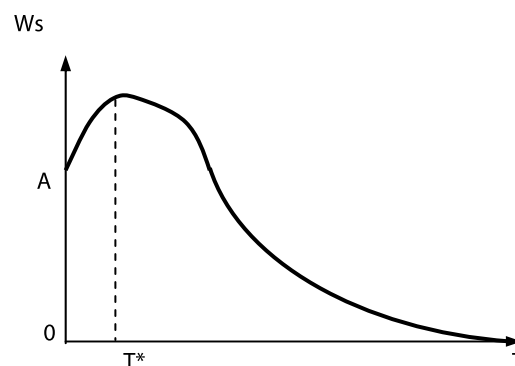

Рис. 3. Вид функции запаса здоровья агента

щиты и др. Экономическая демократия, строго говоря, становится в прямом смысле экономической — она привязана к функции дохода. И права агентов, и их возможности и потребности определяются денежным доходом. С этих позиций в существующем на сегодняшний момент мире существует денежная демократия, то есть демократия, которая детерминирована величиной душевого дохода.

Уточненный вид кривой запаса здоровья должен быть несколько иным, чем представлено на рис. 2. Функция запаса здоровья будет иметь возрастающий участок, что связано с накоплением запаса здоровья и формированием потенциала здоровья в детском возрасте (см. рис. 3) на участке $[0; T^*]$. Период от начала T^* — это юношеский возраст агента. Вплоть до касания оси абсцисс от момента T^* функция запаса здоровья ведет себя так же, как показано на рис. 2. Следовательно, при расчетах можно рассматривать функцию W_s , перманентно убывающую, на которой могут наблюдаться выступы, связанные с растратой запаса здоровья, либо с восстановлением запаса здоровья в зависимости от конкретной ситуации, состояния здравоохранения и соответствующей государственной политики в этой сфере в стране.

Главным критерием для оценки эффективности медицинских мероприятий выступает уровень затрат (причем социальных и частных), связанный с реализацией этих мероприятий, с учетом возможных последствий. Это можно представить так: $S = P_m + S_e - S_{pe}$, где S — стоимость медицинского мероприятия, P_m — цена предлагаемого медицинского мероприятия, равная его себестоимости, S_e — стоимость побочных эффектов, S_{pe} — стоимость предотвращенных неблагоприятных медицинских последствий.

Часто используются также два критерия оценки эффективности: годы жизни с поправ-

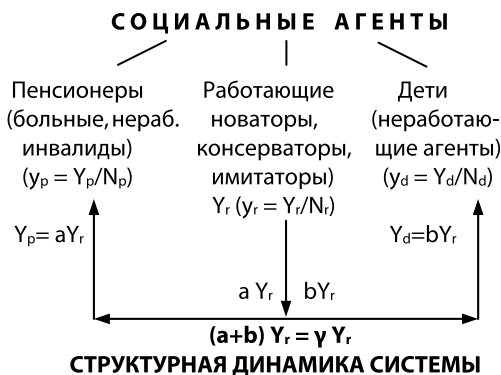

Рис. 4. Структурная динамика системы социальных агентов

кой на инвалидность; годы жизни с поправкой на качество жизни. Экономически важной является оценка стоимости человеческой жизни, которая будет равна разнице затрат на обеспечение жизни и выгод, которые эта жизнь приносит к общему числу спасенных лет жизни. Можно оценивать и выгоды, которые могли быть получены, если бы человек жил (разумеется, дисконтированные), и затем вычесть расходы, связанные с поддержанием параметров жизнеспособности агента в допустимых для жизни пределах. Но при этом критерий становится отрицательным для пенсионеров, а для ребенка трудно подсчитать выгоды или расходы, потому как неясно еще, какую социальную нишу занял бы он в будущем, какую профессию получил и каким доходом располагал. Здесь также важна проблема наследования и учета дохода, приносимого подобным активом. Кроме этих способов, можно оценить человеческую жизнь по критерию готовности к затратам, уменьшающим вероятность смерти.

Решение проблем развития социальных секторов, особенно в условиях экономических систем отдельных регионов, представляется возможным посредством так называемого социального инвестирования в широком понимании этого процесса. Социальное инвестирование — это вложения, причем не только финансового, но и организационного капитала в создание новых кадров, объектов государственного сектора и инфраструктуры. Назначение социальных инвестиций — это воспроизводство общественных благ, создание положительного экстерналичного эффекта. Причем чем больше величина этого эффекта, тем выше результативность данных инвестиций.

Одним из важных условий осуществления социальных инвестиций является подготовка объектов, предназначенных для такого инвестирования,

и исходная структура социальных агентов.

За счет правильной постановки целей, а также формирования социальной структуры агентов возможно реализовать задачи социального инвестирования. Покажем элементарную модель, разделив систему по следующим группам агентов: работающие агенты, дети, пенсионеры (включая больных, инвалидов) (см. рис. 4).

Введем следующие обозначения для рис. 4:

— Y_r — доход, создаваемый работающими агентами, число которых N_r , а среднедушевой доход — y_r ;

— Y_p — доход, получаемый пенсионерами, число которых N_p , а среднедушевой доход — y_p ;

— Y_d — доход, который расходуется на детей, число которых N_d , а среднедушевой доход — y_d .

Причем не весь доход, созданный работающими, тратится на пенсионеров и детей — часть его расходуется на самих работающих, демонстрирующих различные модели хозяйственного поведения (новатор, консерватор, имитатор), а часть, видимо, сберегается. По крайней мере, в рамках общей модели можно разложить создаваемый доход на указанные составляющие. Тогда $a + b = \gamma$, или доля $\gamma = Y_r$ идет на поддержание жизнедеятельности социальных агентов, а остальная часть дохода $(1 - \gamma)$ составляет потребительские расходы и сбережение.

Далее нетрудно показать, что душевые доходы пенсионеров и детей будут пропорциональны среднедушевому доходу работающих. Коэффициентом пропорциональности будет произведение доли дохода работающих агентов, поступающего для конкретной социальной группы, и отношения численности работающих агентов соответственно к пенсионерам и детям. Математически это примет форму:

$$y_p = a \frac{N_r}{N_p} y_r, \quad y_d = b \frac{N_r}{N_d} y_r = (\gamma - a) \frac{N_r}{N_d} y_r.$$

Уровень социального благополучия социальной системы можно измерять, в частности, величиной расходов на одного агента социально незащищенных групп населения: $U_{sb} = y_p + y_d$. Откуда можно получить:

$$U_{sb} = \frac{aN_d + bN_p}{N_p N_d} y_r N_r = \frac{aN_d + bN_p}{N_p N_d} Y_r.$$

Представив $Y_r = (C + S) / (1 - \gamma)$, где C и S — потребление и сбережение. Соответственно, получим:

$$U_{sb} = \frac{aN_d + bN_p}{N_p N_d} \frac{(C+S)}{1-\gamma} =$$

$$= \left[\frac{a}{1-\gamma} \frac{1}{N_p} + \frac{b}{1-\gamma} \frac{1}{N_d} \right] (C+S).$$

Введя долю числа детей и пенсионеров от числа работающих соответственно $x_d = N_d / N_r$ и $x_p = N_p / N_r$, получим:

$$U_{sb} = \left[\frac{a}{x_p} + \frac{b}{x_d} \right] y_r = \left[\frac{a}{x_p} + \frac{\gamma - a}{x_d} \right] y_r.$$

Таким образом, уровень социального благополучия можно рассчитать и прогнозировать, получив корреляционно-регрессионные уравнения по каждому параметру, входящему в формулу для U_{sb} , в зависимости от времени, на основе статистических данных по величине душевого дохода на одного работающего, динамике доли детей и пенсионеров в числе работающих и изменению доли расходов на социальный сектор и доли расходов на одну из социальных групп.

Приняв величину Y_r за 900 млрд долл., а число работающих, детей и пенсионеров на 2008 г. — соответственно за 89,7, 22,5 и 29,7 млн чел., получим динамические ряды, отражающие изменения дохода на одного пенсионера, ребенка и изменения уровня социального благополучия.

Как видно из рис. 5, при увеличении доли расходов на пенсионеров, при фиксированной доле социальных расходов для данного душевого дохода работающих, доход на одного ребенка будет сокращаться, причем имеется величина a , для которой душевой доход и для пенсионеров, и для детей одинаков. Уровень социального благополучия будет снижаться по мере роста величины a , исходя из условий данной модели. Иными словами, существует проблема определения структурного соотношения между расходами на пенсионеров и детей, причем группе «дети» отдается явный приоритет с точки зрения критерия социального благополучия.

Подобные простейшие модели позволяют подбирать инструментарий воздействия на систему с тем, чтобы сначала выявить, а затем изменить складывающиеся негативные закономерности ее структурной динамики. В свою очередь, политическая система обязана закладывать при проектировании законов какую-либо модель, чтобы потом либо менять ее на новый вариант, либо усовершенствовать. Правовые акты и положения необходимо выстраивать исходя из принятой модели развития и целевых пропорций, иначе теряется смысл и назначение проектиру-

емых правовых норм. Обществу нужны приоритеты, а их определение должно состоять, в том числе и в установлении параметров γ , a и b , а также уровня социального благополучия.

В экономической литературе стало традиционным применение таких индикаторов социального развития, как уровень жизни, измеряемый индексом развития человеческого потенциала, качество и образ жизни. Определяющий вклад в развитие данных категорий и методов измерения внес крупный российский экономист, член-корреспондент РАН, бывший директор Минтруда СССР и Института экономики РАН Е. И. Капустин. Придерживаясь его подхода, определим указанные понятия.

Уровень жизни — степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения, задающих благосостояние людей (доходы населения, на душу, неравенство, ИРЧП).

Качество жизни — совокупность природно-климатических, экологических, производственно-технологических, институционально-организационных, политико-правовых и социальных условий (качество труда, безработица), в которых люди осуществляют жизнедеятельность.

Образ жизни — это целевые жизненные установки, включая идеологию (религию), населения страны, вытекающие из традиций (включая правовые традиции), истории народа, организа-

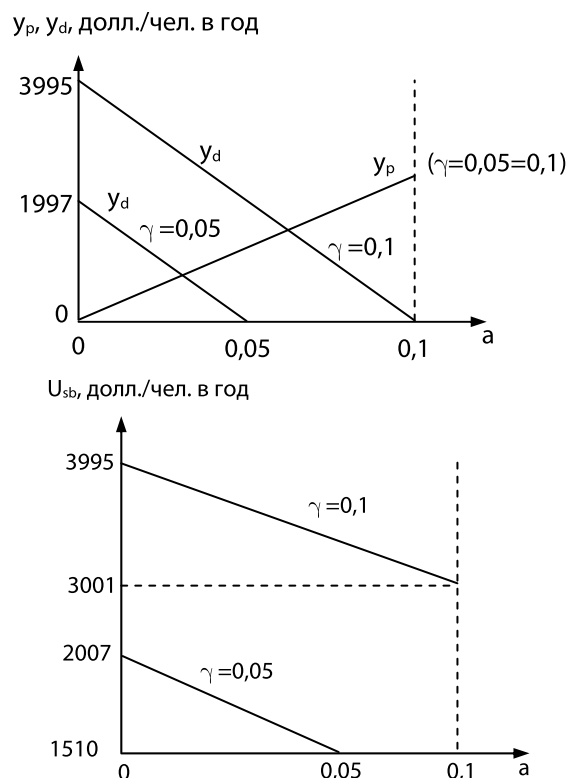

Рис. 5. Динамика структурных параметров системы

цию быта, семейных отношений, формирующие модели социального поведения (существенно определяет качество человеческого потенциала и его эффективность, результаты труда и производительность, отношение к труду, образованию, профессии, другим агентам, правительству и решениям).

Экономическая наука в XX в. предложила несколько основополагающих подходов, описывающих поведение потребителя, и на этой основе объясняющих возможности повышения качества жизни. К таким подходам можно отнести:

— теорию Дж. Дьюзенберри (1948 г.) — теория поведения потребителя, в которой принята «гипотеза относительного дохода»;

— теорию жизненного цикла Модильяни-Эндоу, в которой текущее потребление является функцией потребления в предшествующие периоды, абсолютного и относительного дохода (1963 г.);

— теорию постоянного дохода М. Фридмена (1957 г.) — согласно которой норма потребления стабильна при сохранении богатства с поправкой на возможность наращивания потребления в будущем.

Математически это представляется таким образом:

$$C = a W_r + c Y_1$$

$$A = 1/(N - T); c = (T_1 - T)/(N - T),$$

где C — потребление, W_r — реальное богатство, c — предельная склонность к потреблению из трудового дохода; a — предельная склонность к потреблению из богатства; Y_1 — трудовой доход, N — число лет жизни; T — точка жизненного цикла агента, работы, T_1 — общее число лет работы.

$C = c_1 Y + c_2 Y_{-1}$, где c_1 — краткосрочная предельная склонность к потреблению, c_2 — долгосрочная; Y_{-1} — доход прошлого года.

Таким образом, данные модели связывают уровень потребления, реальное богатство, трудовой доход, число лет жизни и общее число лет трудовой деятельности агентов, предельную склонность к потреблению. Это дает возможность оценить общее состояние социальной системы, уровень ее развития. Однако распределительные и институциональные эффекты здесь явно не учитываются.

Качество жизни и социального развития определяется доступностью разнообразных социальных функций, а возникающую бедность в современном мире можно рассматривать не только

как недостаточный доход на душу населения, но и как отсутствующие или исчезающие возможности. Богатство социальных отношений определяется еще и временем, его структурой. Если общество не умеет распорядиться временем, либо имеет такую структуру затрат времени, что приоритет получают незначимые или не столь необходимые виды деятельности или операции, то отсталость такого общества и конкурентное отставание станут неотвратимыми. Причина состоит в эффективном расходовании времени. Настолько оптимально используется время, настолько и более высокое качество жизни обнаруживается в обществе. Конечно, виды инструментальной свободы важны, согласно А. Сену (который построил свою концепцию экономики благосостояния вокруг видов инструментальной свободы), но они не являются достаточными условиями формирования качества и образа жизни, достижения необходимых параметров социального благополучия и устроенности жизни. Важность приобретает организация функционирования социальных секторов, системы правил, норм, ограничений, моделей взаимодействия, координации и управления. Такая конструкция в экономической теории, как болезнь цен У. Баумоля, якобы описывающая функционирование социальных секторов и сводимая к тому, что в отдельных отраслях издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт, не совсем корректно описывает сектор здравоохранения, да и образовательную систему. Согласно данному эффекту, платежеспособный спрос на продукты сдерживается относительно невысокой активностью индивидуальных потребностей в этих благах, а спрос как будто отстает от возрастающих издержек производства и не позволяет переложить эти издержки на потребителя. Утверждать, что потребность в здоровье как благе невысока по меньшей мере самонадеянно. Представляется, что существо проблемы сводится не к соотношению роста издержек и цен (некоему запаздыванию), что, по существу, одно и то же, а к тому, что издержки, особенно капиталовложения в оборудование и препараты (если брать медицину), настолько велики, что они на начальных этапах ничем не могут быть компенсированы, а риски и отсутствие частного интереса являются дополнительным обоснованием отсутствия необходимого эффекта компенсации. Широта же спроса на здоровье не является фактором компенсации, поскольку действует эффект авансирования — сначала медицинская технология должна быть создана, затем апробирована и только потом

растиражирована. Такое отклонение по данному эффекту даже применительно к социальным направлениям развития вызывает потребность оценки социальных инвестиций.

3. Возможности инвестиций в социальные секторы экономики (пример здравоохранения)

Безусловно, длительные инвестиционные проекты, например в образование, а также в медицинские программы, имеют окупаемость, на значительном промежутке времени, именно поэтому и возникает конфликт между частным и общественным секторами. Создание общественных благ происходит медленно, а функционирование и инвестирование частного сектора — относительно быстро. Поэтому государство обязано решать проблему воспроизводства социального капитала в широком значении, учитывая необходимость развития фундаментальной науки, здравоохранения, образования, экологической защиты, систем безопасности и т. д.

Важно понимать, что одних инвестиций, либо перехода на частную медицину, в которой преобладает денежный мотив предоставления услуги медицинской помощи, становится недостаточно для решения задач здравоохранения в национальном масштабе. Более того, возникновение двух секторов в медицине (т. е. возникновение дополнительно к государственному сектору частного сектора) не приводит к улучшающей динамике отстающего сектора, а наоборот — второй, то есть частный сектор, образуется в определенном смысле за счет государственного и продолжает вымывать ресурсы этого сектора (по крайней мере, кадровый потенциал), тем самым усиливая его стагнацию. В среднесрочной перспективе фактически наблюдается именно такой результат, а долгосрочные перспективы остаются виртуальными, да и они не касаются тех граждан, которые наверняка не увидят возможного светлого будущего, причем часть из них лишится такой возможности по причине такого неутешительного среднесрочного результата. Авторская позиция сводится к тому, что, безусловно, эффективная организация системы здравоохранения нужна ныне живущим людям. Это — то благо, ради которого в том числе они образуют государство. Именно такой ракурс проблемы должен приниматься во внимание политическими структурами при принятии правовых, организационных, административных, финансовых решений, касающихся здравоохранения. Инвестирование здравоохранения и реализация отдельных медицинских программ

должны отличаться системностью и представлять просто задачу жизни, точнее, ее эффективной организации. Цели здравоохранения и образования взаимосвязаны, и они являются подлинными целями человеческой жизни, при этом именно эти сферы должны быть лишены какой бы то ни было дискриминации. Исходя из этого и нужно проектировать и строить экономическую систему в целом, планировать и осуществлять экономическую политику.

Таким образом, мы пришли к выводу, что задача государства может быть сформулирована следующим образом: экономическая политика должна порождать и стимулировать такие виды деятельности, которые слабо развиты или не развиты до сих пор, связаны с новыми комбинациями, открытыми в ходе научно-исследовательской деятельности и приводящими к положительной динамике социальных показателей — по реальному доходу, неравенству, доступности социальных функций (образование, здравоохранение, культура, наука, социальные гарантии) и достаточности благ.

Все виды политики необходимо подчинить исполнению данного рецепта: совпадению профиля доходности, риска, инвестиций, функций и полезности видов деятельности и благ.

Список источников

1. Гайгер Л. Макроэкономическая теория и переходная экономика. М.: Инфра-М, 1996.
2. Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006.
3. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А. Г., Кузьмин А. И., Андреева Е. Л., Козлова О. А., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф. и др. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. 179 с.
4. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
5. Сухарев О. С. Теория эффективности экономики. М.: Финансы и статистика, 2009.
6. Хикс Дж. Движущая сила экономического роста. Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике. Взгляд из России. СПб: Гуманистика, 2003. с. 124-140.
7. Grossman M. The Demand for Health // National Bureau of Economic Research, Occasional Paper 119. New York: Columbia University Press, 1972.
8. Investing in People. The Economics of Population Quality. Berkeley, 1981.
9. Kuznets S. National Income // A Summary of Findings. New York. National Bureau of Economic Research, 1946.
10. Schultz T. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. New York, 1971.

УДК 330.35

ключевые слова: экономический рост, социальное развитие, социальная эффективность, социальная структура, здравоохранение